

ЮРИЙ АДАМЕНКО

ДЕДАЛ

КНИГА 1

АФИНЫ. ТЕНЬ ЗАВИСТИ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК.
ТЕХНОЛОГИИ
БЕЗ МАГИИ.

ГЕНИЙ.
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ.
ИЗГАННИК.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.
ПОТЕРЯ.
МЕСТЬ.

Юрий Адаменко

Дедал. Афины. Тень зависти

<https://litres.ru/74146139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бронзовый век. Век, когда боги ещё вмешивались в дела смертных.

В Афинах живёт мастер, чьё имя стало синонимом чуда. Его руки создают танцующих автоматов, механизмы, поднимающие тяжести, и инструменты, ускоряющие труд тысяч. Он — гений, которому поклоняются и которому завидуют.

Однако свет славы отбрасывает самую тёмную тень. Завистливые взгляды, коварные речи и чужие амбиции сплетаются в сеть, из которой нет выхода. В одночасье всё, что было построено годами, рушится. Имя мастера становится проклятием, а его творения — оружием против него самого.

Это история о цене гениальности, о силе духа, не сломленного обстоятельствами, и о механическом чуде, которое может стать как спасением, так и проклятием.

Юрий Адаменко
Дедал. Афины.
Тень зависти

Глава 1

Утро в мастерской Дедала всегда пахло тремя вещами: горелой бронзой, оливковым маслом и чьей-то нервной ошибкой. Солнце только начинало карабкаться по склону Акрополя, золотя известняковые глыбы, но внизу, в квартале гончаров и литейщиков, день уже кипел вовсю. Из распахнутых дверей мастерской вырывался лязг, шипение мехов и хриплый голос хозяина, который не повышал тона. Он просто говорил так громко, потому что вокруг вечно что-то гремело.

— Выше колено! — рывкнул Дедал, не поднимая головы от шестерёнок. — Ты, Главк, похож на цаплю, которую ужалили в зад. Левее! Нет, не руку, ногу левее, Зевс тебя раздери!

Бронзовый воин, ростом в два с половиной человеческих роста, с полированным панцирем, в котором отражались перекошенные лица учеников, и пустыми глазницами, полными утреннего сумрака, неуклюже переступил с ноги на ногу. Механизм в его голени издал звук, похожий на кашель старого козла.

Трое учеников, столпившихся у постамента, синхронно выдохнули и отшатнулись. Гигант качнулся, но устоял.

— Замер! — Дедал нырнул под мышку статуи, даже не взглянув на то, что полтонны бронзы висят прямо над его головой. Он запустил руку по локоть в механизм у неё за

спиной, прямо в сплетение деревянных шестерён, бронзовых осей и кожаных ремней. Его жилистые, вечно в масляных разводах пальцы нащупали нужный узел. — Аристарх, подай клин!

Коренастый парень с обожжёнными кислотой пальцами метнулся к верстаку.

— Смазки не хватило, — процедил Дедал, щупая ось вслепую. — Паршивая овца, я же велел заливать по края! Чтобы жир вылезал, как пот у бегуна на финише!

— Я залил, мастер... — пискнул самый молодой из учеников, Феокл, пятнистый от смущения и угревой сыпи. Он стоял с масляным кувшином в руках.

— Ты залил вино в себя, — отрезал Дедал, не оборачиваясь. — Я видел вчера, как ты тащился из портовой таверны. Если бы ты тащил так статую, она бы уже лежала на агоре и давила торговок рыбой.

Феокл открыл рот, закрыл, и стал похож на рыбу, которую только что упомянули.

Главк, который всё ещё держал статую за ногу, рискнул подать голос:

— Мастер, может, поставим её на подпорки? А то у меня спина...

— У тебя спина, как у меня совесть. Есть, но ты о ней вспоминаешь только когда прижмёт, — парировал Дедал. Аристарх сунул ему в ладонь бронзовый клин. — Держи статую, а не ной. Ты держишь ногу гения, который через час

будет маршировать перед архонтами. Это почётно.

— А если она упадёт?

— Тогда ты умрёшь знаменитым, — хмыкнул Дедал. — Тебя запомнят как парня, которого расплющило творение самого Дедала. Некролог напишут. Может, даже поставят табличку: «Здесь лежит Главк, который плохо держал».

Главк побелел и вцепился в бронзовую лодыжку с такой силой, будто от этого зависела жизнь его рода.

Дедал ловко загнал клин в щель между шестернями, повернул ось, и механизм позвоночника статуи отозвался довольным щелчком. Он вытащил руку, вытер её о хитон и отошёл на пару шагов, окидывая творение критическим взглядом.

Бронзовый воин застыл в величественной позе: одна нога чуть вперёд, рука с мечом поднята для удара. Грозный. Прекрасный. Абсолютно мёртвый без того маленького толчка, который превращал его в чудо.

— Ну? — Дедал обернулся к ученикам, развёл руками, словно приглашая их оценить. На лбу блестела испарина, в короткой бороде запуталась стружка. — Чья это работа?

— Твоя, мастер, — в унисон ответили трое.

— Правильно. Потому что только я могу сделать так, чтобы кусок бронзы стоял ровнее, чем вы трое после обеда. — Он хлопнул в ладоши, звонко, как выстрел. — А ну, все к стене! Главк, отпусти ногу, дай ей жить!

Главк отдёргнул руки и пулей отскочил в угол, к осталь-

НЫМ.

В мастерской повисла тишина. Только где-то в углу шипела масляная лампа, догорая, да за стеной сосед-литейщик уже начал молотить молотом по заготовке.

Дедал глубоко вздохнул, и шагнул вперёд.

— Смотрите, — сказал он тихо, но в тишине его голос прозвучал отчётливо. — Смотрите и учитесь. Потому что я покажу это только раз.

Он нажал на скрытую застежку у пояса статуи.

Внутри бронзового гиганта что-то щёлкнуло, зашипело, заскрежетало, и вдруг ожило. Шестерни зашептали, запели, перестукиваясь друг с другом, как болтливые старухи на рынке. Пружины из скрученных бычьих жил распрямились, передавая усилие. Оси провернулись.

Бронзовый воин сделал шаг.

Один.

Второй.

Поднял меч выше, занёс над головой, и замер в идеальном выпаде, глядя пустыми глазами в стену, где стояли ученики.

— Мамочки... — выдохнул Феокл, приседая.

Главк икнул.

Только Аристарх, выдавший виды, присвистнул сквозь зубы и покачал головой с уважением.

Дедал улыбнулся. Довольно. По-мальчишески. Без капли скромности.

— Ну как вам мой новый подмастерье? — спросил он,

хлопая статую по бронзовой ягодице. Та даже не покачнулась. — Силы немерено, молчит — вообще золото, и жалованья не просит. Завидуете?

Ученики засмеялись, нервно, но искренне. Смех разрядил тишину.

Дедал повернулся к ним, широко разведя руки, принимая восхищение как должное.

— Ладно, хватит рты разевать. Главк, тащи ветошь полировать вмятины. Феокл, беги к кузнецу, скажи, что его заклёпки говно, и пусть переплавляет. Аристарх...

Он не договорил.

В голове, прямо за левым ухом, будто кто-то щёлкнул его по затылку, раздался голос.

Сухой. Спокойный. С интонацией человека, который уже всё видел и его ничего не удивляет, кроме идиотизма окружающих.

«Мастер, позвольте заметить: эта статуя выглядит лучше вас по утрам. Походка твёрже, взгляд осмысленнее, и, что немаловажно, она молчит. Вам есть к чему стремиться».

Дедал закатил глаза. Потом, поймав взгляд удивлённого Аристарха, кашлянул и сделал вид, что просто смотрит в потолок.

— Так, все работаем, — бросил он ученикам. — Я сейчас проверю... э-э... заднюю ось. Идите.

Ученики переглянулись, но спорить не стали. За годы работы у Дедала они привыкли, что мастер иногда разговари-

вает сам с собой. Или с кем-то невидимым. Или с духами машин. Главное — вовремя делать вид, что ты этого не замечаешь.

Когда они разошлись по углам, Дедал отошёл в тень, к верстаку с разобранным механизмом водяных часов, и мысленно огрызнулся:

«Заткнись, Механ. Я тебя создал. Я тебя и выключить могу».

«Не можете», — невозмутимо парировал голос. — «Во-первых, я нужен вам, чтобы вы случайно не убили себя очередным «гениальным» изобретением. Во-вторых, вы забыли, куда положили ключ от моей калибровки. В-третьих, вы сами признали вчера, что без меня ваши чертежи похожи на каракули эпилептика».

Дедал скрипнул зубами.

«Я признал это под давлением. И после третьего кувшина вина».

«Трезвый ум — удел посредственностей. Вы, мастер, гений. А гениям положено быть слегка безумными. Я — ваша страховка от полного безумия. И, судя по тому, что вы забыли смазать шестерню номер четыре, страховка вам необходима».

Дедал замер. Потом медленно повернул голову к статуе. — Четыре? — прошептал он вслух.

Изнутри автомата донёсся лёгкий скрежет.

«Четыре. Верхняя, под правой лопаткой. Через со-

рок-пятьдесят шагов она заклинит. Если статуя будет маршировать перед храмом, когда там будут стоять дети... ну, вы поняли».

Дедал выругался. Коротко. Ёмко. Так, что Феокл, возившийся у дверей, вздрогнул и уронил кувшин.

— Аристарх! — рявкнул Дедал. — Тащи инструменты, лезь статуе под лопатку. Шестерня четыре, говорю! Живо!

Аристарх, не задавая лишних вопросов, схватил сумку с ключами и полез на постамент.

Дедал откинулся на верстак, скрестил руки на груди и уставился в потолок.

«Ты специально подождал, пока я выставлю себя идиотом перед учениками?»

«Я ждал, пока они разойдутся, чтобы не нарушать ваш педагогический процесс. Унижение прилюдное — отличный мотиватор. Но я предпочёл сохранить ваш авторитет. Хотя слово «идиот» вы употребили сами. Я бы сказал «рассеянный гений»».

Дедал фыркнул.

«Ты невыносим».

«Я — ваше творение. Значит, вы невыносимы вдвойне. Это называется «наследственность», мастер. Спросите любого жреца».

Снаружи, на улице, загомонили глашатаи, возвещающая начало торгового дня. В мастерскую вползли запахи свежего хлеба из пекарни напротив и дыма из литейных мастерских.

Жизнь в Афинах набирала обороты.

Аристарх уже возился под лопаткой статуи, тихо матерясь сквозь зубы. Шестерня и правда была засорена.

Дедал вздохнул, потёр переносицу и улыбнулся. Чёрный камень в обруче слабо мерцал в тени.

«Ладно, — мысленно сдался Дедал. — Ты выиграл. Сегодня ты гений, а я просто разнорабочий».

«Я всегда гений, мастер. Просто вы редко это признаёте вслух. Ценю вашу честность. Кстати, заказчик из храма Зевса уже час ждёт у ворот. Напомнить, что вы обещали показать ему новые пилы?»

Дедал крикнул и отлепился от верстака.

— Главк! — крикнул он через плечо, направляясь к выходу. — Если без меня статуя рухнет — я лично скую из твоего скелета новый автоматон. Будешь вечно стоять на агоре и пугать воробьёв!

— Да, мастер! — донёсся испуганный вопль.

Дедал толкнул дверь, сощурился от яркого солнца и шагнул в утро.

В голове, на заднем плане, тихонько зазвучал голос Ядра, напевающий что-то похожее на похоронный марш. Видимо, в честь нервных клеток учеников, которые погибали каждое утро в мастерской великого изобретателя.

Дедал вернулся в мастерскую, когда солнце уже поднялось выше Акрополя и принялось припекать черепичные крыши.

В одной руке он держал мешочек с серебром (храм Зевса остался доволен пилами), в другой — наполовину надкусанную лепёшку, которую у него полчаса назад выпросил рыжий храмовый кот, а потом передумал и укусил самого Дедала за палец.

— Зараза хвостатая, — пробормотал мастер, пихая остатки лепёшки в рот. — Ядро, напомни: завтра изобрести мышеловку. Нет, кошколовку. Чтобы ловила и стригла.

«Напомню, — отозвался Механ. — Но сперва напомню, что у вас масло на лбу, стружка в бороде, и вы забыли представиться жрецам. Вы просто вошли, положили пилы на алтарь и ушли. Они решили, что вы — посланец богов. Молчаливый и чумазый».

— Лучше быть чумазым посланцем, чем чистым лжецом, — отрезал Дедал, переступая порог мастерской.

Внутри царила деловая суета. Главк полировал бронзовый нагрудник статуи так яростно, что от него летели искры. Феокл раздувал мехи в углу, старательно делая вид, что он занят важным делом, а не прячется от работы подальше. Аристарх сидел на полу, разобрал какой-то механизм, и сосредоточенно чесал затылок бронзовым ключом.

Статуя воина всё так же возвышалась в центре мастерской, подняв меч к потолку. Исправленная и смазанная шестерня номер четыре работала безупречно. Аристарх проверил три раза, пока Дедала не было.

— Ну что, орлы? — Дедал швырнул мешочек с серебром

на верстак. Звон монет заставил всех троих поднять головы. — Заказ принят, деньги есть. Осталось сделать так, чтобы архонты не обделались, когда увидят нашу работу.

— Мастер, а она точно не рухнет? — жалобно спросил Феокл, выглядывая из-за мехов. — А то в прошлый раз, когда ты запускал танцующего сатира, у него отвалилась голова и покатила прямо в фонтан.

— Во-первых, голова была съёмная, — назидательно поднял палец Дедал. — Во-вторых, сатир просто хотел пить. А в-третьих... — Он подошёл к статуе и любовно погладил её по бронзовой ноге. — Это не сатир. Это воин. Настоящий и почти живой. И он не пьёт, не ест и не просит прибавки к жалованью. Идеальный солдат. Жаль, что таких мало.

«Странно, что вы не сделали себе армию таких», — прокомментировал Ядро. «Или сделали и держите в тайне?»

«Армия требует бронзы, — мысленно отозвался Дедал. — А бронза требует денег. А деньги...»

«...требуют заказов. Замкнутый круг. Я понял. Кстати, шестерня номер четыре в порядке. Можете запускать и не бояться, что воин рухнет на детей. Хотя дети, которые шагают без спросу в мастерскую...»

«Дети — это будущие заказчики», — усмехнулся Дедал. Он отступил от статуи на три шага, развернулся к ученикам и широко улыбнулся.

— А ну, все к стене! Сейчас будет представление.

Главк отбросил ветошь, Феокл вылез из-за мехов, Ари-

старх оставил в покое механизм. Они прижались к стене, вжались в неё, как котята, почуявшие грозу. Глаза у всех троих горели и страхом, и восторгом одновременно.

Дедал поднял руку.

В мастерской стало тихо. Даже сосед-литейщик за стеной вдруг перестал стучать молотом. То ли заслушался, то ли просто решил передохнуть.

Тишина звенела в ушах.

Дедал хлопнул в ладоши.

Звук получился громкий, сочный, будто треснула доска. Он отразился от стен, заметался под потолком и...

Статуя ожила.

Сначала внутри неё что-то щёлкнуло. Коротко, будто кто-то сломал орех. Потом заскрежетало. Мерно, глубоко, как жернова на мельнице. Шестерни запели свою вечную песню: трр-трр-трр, перестукиваясь друг с другом, передавая усилие по позвоночнику, в ноги, в руки.

Бронзовый воин качнулся.

Феокл взвизгнул и вцепился в руку Главка. Главк даже не заметил. Он смотрел, открыв рот, забыв дышать.

Статуя сделала шаг.

Бронзовая стопа опустилась на каменный пол мастерской с глухим ударом, от которого дрогнули амфоры на полках. Вода в глиняном кувшине пошла кругами.

Второй шаг.

Гигант переставил ногу, перенося вес. Механизм в коле-

нях взвизгнул, но сработал чётко. Аристарх не зря возился со смазкой.

Третий шаг.

Теперь воин стоял прямо перед Дедалом, нависая над ним, как скала. Его пустые глазницы смотрели куда-то вдаль, сквозь стены, сквозь Акрополь, сквозь само время.

И тогда он поднял меч.

Бронзовое лезвие, отполированное до зеркального блеска, взлетело вверх, рассекая воздух. Луч солнца, пробившийся сквозь приоткрытую дверь, ударил в клинок, и мастерская озарилась золотым зайчиком. Он метнулся по стенам, ослепил Феокла, прыгнул на лицо Аристарху.

— А-а-а! — зажмурился Феокл, закрываясь руками.

— Матерь богов... — выдохнул Главк.

Аристарх только покачал головой и негромко присвистнул.

Дедал стоял напротив статуи, задрав голову, и улыбался.

Так улыбается ребёнок, который наконец-то собрал головоломку, над которой бился месяц. Счастливо.

— Ну, — сказал он тихо, но в тишине его голос прозвучал отчётливо. — Что я говорил?

Главк отлепился от стены первым. Сделал шаг вперёд, другой. Обогнул статую, заглянул ей за спину, будто надеялся увидеть там невидимых рабов, которые дёргают за верёвки.

— Она... она правда ходит, — прошептал он. — Сама.

— А ты думал, я её на верёвках таскаю? — фыркнул Дедал. — Я, между прочим, инженер, а не кукольник.

— Мастер, это... это чудо! — выпалил Феокл, выскакивая из укрытия. Глаза у него горели восторгом, угреватое лицо покраснелось. — Ты бог! Ты точно бог! Аполлон-покровитель искусств!

— Аполлон лысый, — отрезал Дедал, но по тону чувствовалось, что комплимент приятен. — Я просто умею считать и строгать. Боги тут ни при чём.

— Боги завидуют, — подал голос Аристарх. Он наконец встал с пола, отряхнул хитон и подошёл ближе, разглядывая механизм спины. — Ты сделал то, что им не под силу. Создал жизнь из бронзы.

Дедал посерьёзnel.

— Это не жизнь, — сказал он тихо. — Жизнь — это когда дышит, чувствует и боится. А это... это просто механизм. Умный, сложный, но мёртвый. Как камень. Как вода в ручье. Красиво, но не живо.

Он положил руку на холодную бронзовую ногу статуи.

— Она никогда не устанет, не предаст и не умрёт. И никогда не полюбит. Так что не путай, Аристарх. Механика — это не магия. Это просто... очень хорошая механика.

«Сентиментальность, мастер? — прокомментировал Ядро. — Никогда не думал, что вы способны на лирические отступления. Особенно перед куском бронзы».

«Заткнись, — мысленно огрызнулся Дедал. — Просто у

меня хорошее настроение. Имею право».

«Имеете. Кстати, напоминаю: через час придёт архонт с проверкой. Надо бы подготовить помещение. И заодно помыться. Вы пахнете, как литейный цех после пожара».

Дедал поморщился и хлопнул в ладоши. На этот раз просто так, чтобы привлечь внимание учеников.

— Так, орлы, концерт окончен! Главк, тащи воду и ве-тошь. Драить пол, чтобы блестел! Феокл, разбери этот бардак на верстаке, а то у меня глаз дёргается! Аристарх, проверь ещё раз все крепления. Если статуя рухнет на архонта, нам не заплатят. А если не заплатят, я лично скую из вас троих один большой полиспаг и буду таскать камни!

— Будет сделано, мастер! — хором ответили ученики и бросились врассыпную, поднимая пыль и создавая суету.

Дедал проводил их взглядом, покачал головой и снова улыбнулся. Чуть устало, чуть снисходительно, но по-доброму.

«Хорошие мальчики, — заметил Ядро. — Туго соображают, но старательные».

«Туго соображают, потому что я их учу, а не боги, — поправил Дедал. — Да и кто в их возрасте быстро соображает? Я в их возрасте вообще думал, что женщины рождаются из пены морской, как Афродита. А потом встретил одну торговку рыбой...»

«Мастер, пожалуйста, избавьте меня от подробностей вашей юности. Я — механизм, а не сборник скабрёзных исто-

рий».

«Ты — зануда, обмотанный бронзой».

«Я — ваша совесть. Только громкая и с чувством юмора».

Дедал хмыкнул и, насвистывая какую-то нехитрую мелодию, направился к верстаку, проверять чертежи перед приходом важного гостя.

Статуя воина так и стояла в центре мастерской, застыв в вечном выпаде. Её пустые глаза смотрели в стену. Бронзовые пальцы сжимали рукоять меча. Она ждала. Чего? Нового хлопка в ладоши? Нового приказа? Или просто стояла, потому что так было надо?

Дедал стоял в дверях мастерской, провожая взглядом учеников, которые разбежались выполнять поручения. Главк уже тащил ведро с водой, расплескивая её на ходу. Феокл с остервенением сгребал с верстака какой-то хлам, то и дело оглядываясь на статую. Проверял, не ожила ли снова. Аристарх деловито ощупывал крепления, бормоча под нос расчёты.

В мастерской запахло мокрой пылью и нагретой бронзой.

Дедал глубоко вздохнул, чувствуя, как отходит напряжение последних часов. Запуск прошёл успешно. Архонт будет доволен. Город будет ахать. Заказы посыплются, как спелые оливки с дерева. Жизнь налаживалась.

Он потянулся, хрустнув плечами, и уже собрался идти к верстаку, чтобы проверить новые чертежи водоподъёмного

механизма, как вдруг в голове, прямо за левым ухом, раздался знакомый голос.

«Мастер, позвольте заметить: эта статуя выглядит лучше вас по утрам».

Дедал замер на полуслове. Даже дыхание на миг перехватило. Не от испуга, а от привычной уже смеси раздражения и невольного восхищения наглостью собственного творения.

«Походка твёрже, — невозмутимо продолжал голос, — взгляд осмысленнее. И, что немаловажно, она молчит. Вам есть к чему стремиться».

Дедал медленно повернул голову, будто пытаясь поймать наглеца взглядом. Чёрный камень в бронзовом обруче слабо мерцал в тени. Едва заметно, словно подмигивал.

В мастерской суетились ученики. Главк драил пол, напевая что-то фальшиво. Феокл звенел инструментами. Аристарх возился у статуи. Никто не смотрел на мастера. Никто не слышал того, что звучало только у него в голове.

Дедал мысленно огрызнулся:

«Заткнись, Механ. Я тебя создал».

«И создали прекрасно, — парировал голос без тени смущения. — Лучшее ваше творение, если позволите себе такую скромную самооценку. Работаю без выходных, не требую еды, терплю ваше брюзжание и даже помогаю не забывать, где вы оставили ключи. Кстати, они под верстаком, рядом с той амфорой, где вы прячете вино от учеников».

Дедал скосил глаза в сторону верстака. Действительно, из-

под ножки торчал кончик бронзового ключа, которым он открывал потайной ящик с чертежами.

«Ты следишь за мной», — обвиняюще подумал он.

«Я — часть вас, мастер. Следить за вами — значит следить за собой. Это называется самопознание. Философы за такое деньги берут, а я — бесплатно. Цените».

Дедал скрипнул зубами. Потом, поймав на себе удивлённый взгляд Аристарха, который как раз обернулся на звук, поспешно натянул на лицо выражение глубокой задумчивости.

— Мастер, с тобой всё в порядке? — спросил Аристарх, прищурившись. — Ты какой-то... напряжённый.

— Я думаю, — отрезал Дедал. — О шестернях. О сложных механизмах. Не отвлекай.

Аристарх пожал плечами и вернулся к статуе.

«Шестерни, значит, — ехидно протянул Ядро. — А я-то думал, вы думаете о том, как заткнуть свой собственный разум. Бесполезно, мастер. Я — это вы. Вернее, лучшая часть вас. Умная. Ироничная. И с отличной памятью».

«Ты — просто набор шестерёнок, засунутых в обруч, — отбивался Дедал, отходя в угол мастерской, подальше от учеников. — Если я сейчас сниму тебя и брошу в печь...»

«...то лишитесь единственного собеседника, который способен поддерживать интеллектуальную беседу. Ваши ученики, конечно, милые, но их мыслительный процесс напоминает движение осла за морковкой. Медленно и с постоянными

ми остановками».

Дедал фыркнул — невольно, вслух. Главк поднял голову от ведра, но, встретившись взглядом с мастером, тут же уткнулся обратно в пол.

«Ладно, — сдался Дедал. — Чего ты хочешь? Просто так ты никогда не лезешь».

«Я всегда лезу, когда вижу возможность для саморазвития. Сегодня вы отлично справились с запуском. Шестерня номер четыре, спасибо, что вспомнили, была починена вовремя. Статуя ходит, как пьяный гоплит, но ходит. Архонт будет в восторге. Я просто хотел сказать: неплохая работа».

Дедал опешил. Похвала от Ядра звучала так же редко, как снег в Афинах.

«Ты... меня хвалишь?»

«Я констатирую факт. Если вы называете это похвалой — пожалуйста. Но не обольщайтесь. Завтра вы снова забудете смазать какой-нибудь узел, и я снова буду напоминать вам, что вы гений только наполовину. Вторая половина — рассеянный старик, который теряет ключи и путает чертежи».

«Мне сорок лет», — возмутился Дедал.

«Для нашего бронзового века вы глубокий старик. Радуйтесь, что я об этом молчу при учениках».

Дедал покачал головой, усмехнулся и потёр переносицу.

«Ты невыносим».

«Я — ваше творение. Смиритесь. А теперь, если позволите, я бы хотел напомнить, что через час прибудет архонт, а

у вас на лбу масляное пятно размером с оливку. Умойтесь, мастер. Ради статуи. Она хотя бы чистая».

Дедал хмыкнул, отлепился от стены и направился к выходу во двор. К ручью, где можно было ополоснуть лицо.

— Главк! — крикнул он на ходу. — Если без меня что-то упадёт — я тебя убью. В прямом смысле. Бронзой по голове.

— Понял, мастер! — донёсся испуганный вопль.

Дедал вышел во двор, сощурился от солнца и, нагибаясь над каменным корытом с водой, мысленно добавил:

«Механ, когда-нибудь я найду способ тебя выключить».

«Ищите, мастер. Это продлит вашу жизнь. А мою — разнообразит. Люблю хорошие головоломки».

Вода плеснула в лицо, смывая масло, усталость и, казалось, саму возможность выиграть этот бесконечный спор.

Впрочем, Дедал и не надеялся.

Вода освежила. Дедал плеснул себе в лицо ещё раз, растёр ладонями щёки, проверил бороду, стружка вроде выковырялась, и вернулся в мастерскую, чувствуя себя почти человеком.

Внутри всё ещё кипела работа. Главк драил пол с таким усердием, что каменные плиты скоро можно будет использовать как зеркала. Феокл наконец разобрал верстак и теперь пытался собрать обратно водяные часы, путая трубки и тихо матерясь сквозь зубы. Аристарх заканчивал проверку креплений и уже слезал с постамента, довольно хлопая статую по

бронзовой ноге.

— Порядок, мастер, — доложил он, отряхивая руки. — Ничего не гремит, не скрипит, не кашляет. Можно хоть завтра на Акрополь ставить.

— Можно, — кивнул Дедал, проходя к верстаку. — Но сначала пусть архонт посмотрит. Ему же надо почувствовать себя важным. Пусть поцокает языком, пощупает, покивает умно. А мы постоим в сторонке и сделаем вид, что нам это интересно.

Аристарх хмыкнул, понимающе.

Феокл, возившийся с водяными часами, вдруг поднял голову и уставился на статую. В его глазах загорелся тот самый огонёк, который обычно предшествует катастрофе.

— Мастер, — позвал он несмело. — А можно я... поближе посмотрю? Ну, как там шестерни работают? Я никогда не видел изнутри, когда она ходит.

— Сейчас она не ходит, — отрезал Дедал, разворачивая свиток с чертежами. — Я её выключил. Запускать снова некогда, архонт скоро будет.

— А я просто посмотрю, — не унимался Феокл. Он уже встал и делал шаги в сторону статуи. — Я аккуратно. Только загляну за спину.

— Феокл, — лениво предупредил Аристарх, устраиваясь на скамье. — Не лезь. Потом объясню.

— Да что вы все как бабки на рынке, — обиделся Феокл. — Я же не трогаю. Я просто смотрю.

Он подошёл к статуе сзади. Бронзовый воин возвышался над ним, как утёс. Пустые глазницы смотрели в стену, меч был занесён для удара и застыл в идеальной неподвижности.

Феокл встал на цыпочки, вытянул шею, пытаясь разглядеть щель между бронзовыми пластинами на спине, где виднелись края шестерён.

— А если туда масло залить, — бормотал он себе под нос, — то можно же... ой!

Он случайно опёрся рукой на поясицу статуи.

Бронза была холодной.

И вдруг — тёплой.

И вдруг — живой.

Внутри автоматона что-то щёлкнуло.

Феокл замер.

Щелчок повторился. Громче. Потом ещё. И ещё. Шестерни внутри бронзового тела начали вращаться, набирая обороты, передавая импульс по позвоночнику вверх, в плечо, в руку, сжимающую меч.

— Мастер... — пискнул Феокл, не в силах отлепиться от статуи. — Мастер, она...

— Ах ты ж... — Аристарх вскочил со скамьи.

Главк выронил ветошь.

Дедал медленно поднял голову от чертежей.

Бронзовый воин ожил.

Без хлопка в ладоши. Без команды. Просто потому, что механизм среагировал на прикосновение. Так было задума-

но изначально, чтобы статуя могла отвечать на сигналы стражи, если её выставят у ворот. Дедал просто забыл предупредить учеников.

И теперь воин медленно, неумолимо поворачивался.

Бронзовая стопа скребанула по камню. Колено согнулось. Корпус развернулся на пол-оборота.

Феокл смотрел прямо в пустые глазницы, которые теперь смотрели на него.

— Мамочка... — выдохнул он.

Меч дрогнул.

Бронзовый клинок, тяжёлый, острый, отполированный до зеркального блеска, начал опускаться.

Очень медленно.

Очень плавно.

И очень страшно.

Феокл попятился, споткнулся о собственную ногу, взмахнул руками и рухнул на пол, прямо к ногам статуи.

Меч продолжал опускаться.

Он просвистел в волосах Феокла. Так близко, что парень почувствовал холод металла на макушке, и со свистом рассек воздух в том месте, где мгновение назад была его голова.

Клинок замер в дюйме от каменного пола.

Тишина.

Феокл сидел на полу, задрал голову, глядя на бронзовое лезвие прямо перед своим носом. Губы его беззвучно шевелились, то ли молитву читал, то ли прощальное письмо ма-

тери.

— Ох, — выдохнул Главк.

— Ничего себе, — присвистнул Аристарх.

И тут Дедал расхохотался.

Громко. Заливисто. От души.

Он хохотал, держась за живот, запрокинув голову, так что обруч на лбу съехал набок. Слезы выступили на глазах. Он хлопал себя по коленям и никак не мог остановиться.

— Мастер! — возмущённо взвизгнул Феокл, всё ещё боясь пошевелиться. — Мастер, тут чуть человека не убили!

— Не убили, — выдохнул Дедал сквозь смех. — Если бы я хотел тебя убить, я бы... ха-ха-ха... я бы смазал шестерни лучше! А так... ой, не могу... ты видел своё лицо?!

Феокл медленно перевёл взгляд на статую. Воин замер в новой позе, опустив меч к полу, будто собирался подмести мастерскую. Пустые глаза смотрели куда-то в стену, абсолютно равнодушные к перепуганному ученику у своих ног.

— Но... как? — выдавил Феокл.

— А вот так! — Дедал наконец справился со смехом, утёр слёзы и подошёл к статуе. — Она реагирует на прикосновение. Хватательный рефлекс. Задумано для охраны. Если кто сзади подкрадётся — получит мечом по башке. А ты получил... ну, почти.

Он ласково похлопал статую по боку, как любимую собаку.

— Хорошая девочка. Умница. Правильно реагируешь на

дураков.

— Я не дурак! — обиженно пискнул Феокл, кое-как вы-ползая из-под меча. Ноги его тряслись так, что он с трудом поднялся.

— Ты подошёл сзади к механизму, которого не знаешь, — назидательно сказал Дедал. — Если это не дурак, тогда я — жрец Аполлона.

Он оглянулся на остальных учеников, всё ещё сияя улыбкой.

— Запомните, орлы. Золотое правило моей мастерской. — Он поднял палец. — Не подходи к автоматону сзади. Он нервный!

Главк прыснул, закрывая рот рукой. Аристарх покачал головой, но тоже усмехнулся. Феокл стоял бледный, с трясущимися коленями, и смотрел на статую с ужасом и обожанием одновременно.

В голове у Дедала, на заднем плане, раздался сухой комментарий.

«Юмор у вас, мастер, как у топора. Тяжёлый, грубый и обычно по голове. Хотя должен признать: в этот раз топор попал точно в цель. Феокл запомнит этот урок надолго. Если, конечно, не обмочился от страха».

Дедал мысленно хмыкнул.

«Он мальчишка крепкий. Переживёт. Зато теперь будет думать, прежде чем лезть куда не просят».

«Или будет видеть кошмары про ожившие статуи. Тоже

неплохой результат. Педагогика — дело тонкое».

Дедал подошёл к Феоклу и хлопнул его по плечу. Парень вздрогнул, как от удара током.

— Живой? — спросил мастер, заглядывая в глаза.

— Кажется... да, — выдавил Феокл.

— Вот и славно. Значит, в следующий раз будешь спрашивать разрешения, прежде чем лапать мои механизмы. А сейчас — подбери челюсть с пола и иди помоги Главку. Архонт будет с минуты на минуту, а у тебя вид, будто ты призрака встретил.

— Я почти встретил, — прошептал Феокл, косясь на статую.

Та стояла неподвижно, опустив меч, и в лучах утреннего солнца выглядела совершенно безобидно. Даже мирно.

Почти.

Дедал повернулся к ней, нажал скрытую застёжку на поясе. Механизм внутри щёлкнул, возвращая меч в исходное положение, высоко над головой.

— Вот так, — удовлетворённо сказал он. — Теперь порядок. А ты, — он ткнул пальцем в Феокла, — даже не смотри в её сторону. Иди работай.

Феокл кивнул и на ватных ногах поплёлся к Главку, который уже изнемогал от желания посмеяться над товарищем, но пока сдерживался из вежливости.

Дедал проводил его взглядом, довольно потёр руки и вернулся к чертежам.

«Мастер, — снова подал голос Ядро, — а ведь если бы шестерни были смазаны чуть лучше, меч опустился бы быстрее. И тогда ваш ученик лишился бы не только самообладания, но и головы».

Дедал помрачнел на секунду. Потом тряхнул головой.

«Но ведь не лишился. Значит, боги сегодня на нашей стороне».

«Или просто шестерни были смазаны ровно настолько, чтобы он успел упасть. Я предпочитаю верить в расчёт, а не в богов. Особенно когда расчёт делал я».

«Скромность тебя точно не украшает».

«Я — механизм, мастер. Меня украшает только функциональность. И, если позволите заметить, моя функциональность сегодня спасла жизнь вашему ученику. Могли бы и спасибо сказать».

Дедал закатил глаза.

«Спасибо, Механ. Ты — чудо инженерной мысли».

«Вот видите. Когда хотите — можете быть почти вежливым. Прогресс».

Дедал только вздохнул и углубился в чертежи, предоставив Ядру наслаждаться собственной иронией.

За окном загомонили глашатаи, архонт приближался к мастерской.

Суэта в мастерской достигла апогея.

Главк надраил пол до такого состояния, что по нему мож-

но было ходить, не рискуя прилипнуть к многовековому слою грязи. Феокл, всё ещё бледный после встречи с мечом, послушно переставлял амфоры с места на место, создавая видимость кипучей деятельности. Аристарх деловито раскладывал инструменты на верстаке в идеальном порядке, от самых маленьких до самых больших, как любил архонт.

Дедал стоял у статуи и критически оглядывал своё творение. Бронзовый воин возвышался над ним, застыв в величественной позе. Меч был поднят, взгляд устремлён вдаль, каждая мышца (бронзовая, литая) напряжена в идеальном порыве.

«Слишком идеально», — заметил Ядро. — «Архонт решит, что вы подменили статую. Скажет, прежняя была с изъяном, а эта — слишком хороша. Придётся объяснять, что вы просто починили шестерни, а не создавали новое божество».

«Архонт ничего не скажет, — мысленно отмахнулся Дедал. — Он в механизмах понимает примерно столько же, сколько Феокл в высшей математике. То есть — ничего. Ему главное, чтобы блестело и двигалось. Остальное — детали».

«Детали, как вы знаете, — это самое важное. Особенно шестерня номер четыре».

Дедал хмыкнул, но спорить не стал.

За дверью послышались шаги. Тяжёлые, уверенные, с металлическим лязгом — стражники. Аристарх выпрямился, одёрнул хитон. Главк замер с тряпкой в руках. Феокл втянул голову в плечи и попытался стать незаметным.

Дверь распахнулась.

Но на пороге оказался не архонт.

Вошедший был молод, гладко выбрит и одет в белоснежный хитон, перепоясанный священной лентой с вышитыми молниями — символами Зевса. На шее у него висела бронзовая пластина с изображением орла. За спиной маячили двое храмовых стражников с копьями, но они остались снаружи.

Посыльный из храма Зевса.

— Дедал-инженер? — осведомился юноша тоном, каким обычно спрашивают: «Ты тот самый раб, который должен был принести вино?».

Дедал не любил этот тон. Но умел его игнорировать, ради заказов.

— Он самый, — кивнул он, не двигаясь с места. — Чем обязан храму? Надеюсь, мои пилы ещё не затупились о священные брёвна?

Посыльный поморщился. Шутки о священных брёвнах явно не входили в список допустимых при храме.

— Жрецы Зевса требуют твоего присутствия, — отчеканил он. — Нужны новые механизмы для алтаря. Тот, что ты ставил три года назад, начал скрипеть. Жертвенный огонь гаснет в неподобающие моменты. Это дурной знак.

— Скрип — это не дурной знак, — назидательно сказал Дедал, наконец отходя от статуи. — Это просто трение. Металл трётся о металл. Бывает. Особенно если смазывать раз в год, а не раз в месяц, как я велел.

Посыльный побагровел.

— Ты смеешь указывать жрецам, когда смазывать алтарь?

— Я смею указывать всем, кто хочет, чтобы их механизмы работали, — спокойно парировал Дедал. — Если жрецы хотят, чтобы огонь горел ровно и не гас, пусть слушают тех, кто эти механизмы делает. А не тех, кто только молится и жжёт ладан.

Аристарх за спиной мастера затаил дыхание. Главк вжался в стену. Феокл, кажется, перестал дышать вообще.

Посыльный открыл рот, закрыл, снова открыл. Видно было, что он не привык к такому обращению. Но и спорить с главным инженером Афин, которого сам архонт называл «сокровищем города», не решился.

— Ты... придёшь? — выдавил он наконец.

Дедал выдержал паузу. Длинную. Такую, что посыльный начал нервно перебирать пальцами край хитона.

— Приду, — кивнул Дедал. — Завтра утром. Скажи жрецам, пусть готовят бронзу. И масло. Хорошее, оливковое, не то пойло, которым они заправляют светильники. И пусть не трогают механизм до моего прихода. Вообще. Пальцем. Ясно?

— Ясно, — процедил посыльный.

Он развернулся на каблуках и вышел, даже не попрощавшись. Стражники за дверью лязгнули доспехами, шаги стихли вдали.

В мастерской повисла тишина.

Аристарх выдохнул.

— Мастер, — осторожно сказал он. — Ты вообще понимаешь, что только что нахамил посыльному самого Зевса? Ну, храма Зевса?

— Я нахамил мальчишке, который думает, что его божественная ленточка на шее заменяет мозги, — поправил Дедал. — Если бы сам Зевс спустился с Олимпа и попросил меня починить алтарь, я бы и ему сказал: «Смазывай, папаша, а то искрить будет». Но Зевс умный, он бы понял. А этот... — он махнул рукой в сторону двери. — Ладно, неважно. Заказ есть заказ. Завтра идём в храм.

— Мы? — уточнил Аристарх.

— Ты, я и мои инструменты, — кивнул Дедал. — И Феокл. Пусть посмотрит, как правильно чинить механизмы, чтобы потом не лез куда не просят.

Феокл, услышав своё имя, вздрогнул и втянул голову ещё глубже.

— А статуя? — спросил Главк, кивая на бронзового воина. — Архонт же сейчас придёт.

— Архонт придёт, посмотрит, поцокает и уйдёт, — отмахнулся Дедал. — Статуя готова. Даже слишком. — Он подошёл к воину и похлопал его по ноге. — Ты уж прости, что я тебя с мальчишкой сравнивал. Ты лучше. Ты хотя бы не обижаешься.

Статуя, разумеется, не ответила.

«Зато я обижаюсь, — подал голос Ядро. — Вы меня с ней

никогда не сравниваете. А я между прочим, тоже бронзовый. И умный. И молчу, когда надо. Хотя мог бы и не молчать».

«Ты никогда не молчишь, — устало подумал Дедал. — Это и есть твоя главная проблема».

«Я — голос вашей совести. Совесть не должна молчать. Иначе вы превратитесь в одного из этих... — Ядро сделал паузу, явно подбирая самое обидное сравнение, — ...жрецов. Самодовольных и бесполезных».

Дедал фыркнул.

— Что? — тут же встрепенулся Аристарх. — Ты что-то сказал, мастер?

— Нет, — отрезал Дедал. — Это я так. Мысли вслух.

Аристарх понимающе кивнул. За годы работы он привык, что мастер иногда разговаривает с пустотой. Главное — не задавать лишних вопросов.

За дверью снова послышался шум. На этот раз более торжественный. Трубы? Нет, просто глашатай объявлял о прибытии важной персоны.

— Архонт, — констатировал Аристарх. — Точно он.

— По местам! — скомандовал Дедал. — Главк, улыбку на лицо! Феокл, выпрямись и не дёргайся! Аристарх, приготовься записывать всё, что скажет этот старый пень, чтобы потом мы могли сделать вид, что нам это важно.

Ученики заметались, занимая позиции.

Дедал в последний раз оглядел мастерскую. Вроде прилично. Блестит, пахнет бронзой и маслом, статуя стоит как

вкопанная (в прямом смысле). Можно встретить.

Он поправил обруч на голове, тот чуть съехал, пока он хохотал над Феоком, и вдруг замер.

Чёрный камень во лбу слабо мерцал.

Едва заметно. Как далёкая звезда в предраассветном небе. Как зрачок невидимого существа, следящего за миром сквозь бронзу.

Дедал коснулся обруча пальцем. Камень был тёплым. Чуть теплее, чем обычно.

«Механ?» — мысленно позвал он.

«Я здесь, мастер. Просто... наблюдаю. Интересный день выдаётся, не находите? Статуя, архонт, храм... Жизнь кипит».

«Ты о чём?»

«Ни о чём. Просто отметил. Идите встречать гостя, мастер. Не заставляйте архонта ждать. Он хоть и старый пень, но деньги платит исправно».

Дедал убрал руку от обруча, но взгляд задержал. Камень всё ещё мерцал. Едва-едва.

Но Дедал знал, просто так Ядро никогда не привлекает внимания.

«Поговорим вечером», — пообещал он мысленно.

«Как скажете, мастер. Я никуда не денусь. Я всегда с вами».

Голос прозвучал почти ласково. Почти по-человечески.

Дверь распахнулась, и в мастерскую шагнул архонт в со-

провождении свиты. Грузный мужчина в пурпурном плаще, с тяжёлой золотой цепью на шее и выражением лица, говорившим: «Я здесь самый главный, и все должны это помнить».

Дедал улыбнулся самой тёплой улыбкой, на которую был способен, и шагнул навстречу.

— О великий архонт! — провозгласил он, разводя руки. — Твоё посещение — честь для моей скромной мастерской! Позволь показать тебе чудо, которое превзойдёт всё, что ты видел прежде!

Свита закивала, архонт довольно прищурился.

А чёрный камень в обруче на голове Дедала всё мерцал. Тихо. Незаметно.

Как пульс. Как сердцебиение механизма, который никогда не спит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.